

## Слово редактора

# СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МИЛИТАРИЗМ (статья первая)

*В.П. Макаренко*  
*Южный федеральный университет*

**Аннотация:** Автор на основе анализа уроков из новейшей российской истории, предлагает концепт «крело Гамлета» для прояснения сути советского государства, способов его воспроизводства в современном российском государстве и выработке меры собственного самоотстранения от его главных и второстепенных задач.

**Ключевые слова:** когнитивное сопротивление, российская ментальность, война в Чечне, русская власть, российское государство.

### *Что такое крело Гамлета*

Все мало-мальски здравомыслящие люди моего поколения, которых «черт дернул» родиться в СССР, прожили свою жизнь в этой стране в качестве скрытых иностранцев или внутренних эмигрантов. Многие из них отличались своей собственной мерой иронии, дистанции, отстраненности и брезгливого любопытства ко всему, происходящему вокруг. На эту тему уже существуют целые библиотеки. Чтение можно начать откуда угодно. В том числе с книги Петра Вайля, который уехал из СССР по многим мотивам, в том числе ради возможности читать любые книги, а не только продукцию советской издательской машины [Вайль 2012].

Можно развить идею Вайля о свободе как точке отсчета. Всем известно крело принца Гамлета «Весь мир тюрьма, и Дания — худшее из его подземелий». Я думаю, каждый житель нашей страны должен уточнить это крело применительно к данному времени и обстоятельствам: «Весь мир тюрьма, а Россия — худшее из ее подземелий». Аргументов для такого уточнения тоже хватает. Упомяну два: на протяжении XX века СССР стал чемпионом мира по уничтожению собственного населения — и никто за это не понес моральной, уголовной, политической и метафизической ответственности (в соответствии с классической типологией Карла Ясперса). Значит, та же формула относится ко всем нациям, населявшим Российскую империю/СССР, а после 1991 г. создавшим свои государства. Все они стоят перед искушением старой формулы «Хороша или плоха — но эта моя страна», которая выводит свою страну за рамки морального и политического осуждения. Последствия тоже хорошо известны. Если судить от противного, то все остальные нации, входящие в советский блок, могут преобразовать крело Гамлета в отношении собственной страны. Думаю, крело Гамлета относится ко

всем ныне существующим странам, становится, если угодно, принципом гражданского становления любого индивида. Ведь Гамлет выступал против всей системы повседневного поведения, прикрывающейся принципами христианского миропорядка.

Формулу Гамлета я предлагаю дополнить констатацией Эрнста Юнгера, высказанной после второй мировой войны: «Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда» [Юнгер 2007: 202]. Стало быть, анализ взаимосвязи здесь и сейчас существующих иллюзий свободы с деятельностью полиции и пропаганды — необходимый элемент гражданского и политического воспитания.

Теперь сошлюсь на максимум практической мудрости Нобелевского лауреата Льва Ландау, который был участником советского атомного проекта. Уже в 1950-е годы он пришел к выводу: «Ландау считает, что „целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которое ставит перед собой государство, тем более советское, которое построено на угнетении“» [Горелик, Шальникова 2009: 561, 563]. Вот об этой мере индивидуального и массового осознания сути советского государства, способов его воспроизводства в современном российском государстве и выработке меры собственного самоотстранения от его главных и второстепенных задач и пойдет речь в предлагаемых статьях.

### *Показательный пример «уроков истории»*

При Ельцине военные во властных структурах составляли 6,7%, при Путине — 26,6%, а в высшем руководстве — 58,3% [Согрин 2005: 13]<sup>1</sup>. Среди них находится А.И. Николаев — бывший Главком пограничных войск РФ (с 1993 г.), директор Федеральной пограничной службы России (с 1994 г.). В декабре 1997 г. он подал в отставку с поста директора ФПС, не согласившись с решением Президента РФ о неправомерном переносе пограничного поста на российско-грузинской границе. Затем его избрали в Думу.

Между делом генерал издает книги под своим именем. Сам пишет или ему сочиняют — этот вопрос я здесь не рассматриваю, хотя чтение «Военно-исторического журнала» позволяет его поставить. В этом журнале появляются статьи о том, как генералы используют литературных слуг, а затем сами же рассказывают об этом. Так что профессия букрайтеров стала не менее универсальной, чем сочинение речей главам государства [Колесников 2007]. В предисловии к одной из книг генерала А.В. Ларионов характеризует автора как «заботника Отечества» и призывает за него молиться... [Николаев 1998а].

Молиться я не умею, хотя в армии отслужил положенный срок. По роду службы имел опыт общения с генералами — от одно- до четырехзвездных. Но тогда я годился им в сыновья или внуки. И потому они были для меня отцами-командирами. Теперь я сам отец-командир. По классификации И. Бестужева-Лада, стал ученым такого ранга, который в России соответствует генерал-полковнику. А в Украине — маршалу рода войск. Независимо от моей родословной, по возрасту постепенно перехожу в аксакалы. Поэтому имею право выявить структуру сознания генерал-писателя и члена парламента. При этом учту научный смысл ментальности в толковании А.Я. Гуревича: это использование литературных и иных текстов для изучения структур сознания, на которые опирается культура [Гуревич 2004: 117].

<sup>1</sup> Правда, точка зрения В.В. Согрина не является единственной. Другие авторы начинают отсчет упадка демократии в России с расстрела Белого дома [Островский 2008].

Генерал включает свое рассуждение о современной российской ментальности в «уроки истории»: Россия находится не в новой исходной точке, а по-прежнему «жестко закреплена» на оси предшествующего развития. Сегодняшний день — это общая равнодействующая усилий сотен миллионов россиян прошлых столетий. То, что Россия сегодня имеет, — не подарок судьбы, а результат неустанной борьбы народа за выживание. Почти все войны против России приходились на «смутные времена» — периоды становления государственности и неустойчивости ее международного положения. Но тяжелые испытания и потрясения часто приводили Россию к укреплению могущества страны. В советский период Россия создала сверхдержаву со всеми необходимыми параметрами политики, экономики, науки, культуры и военной мощи. СССР — это наша история. Ради выживания на протяжении веков Россия была вынуждена добиваться максимума государственной централизации. Такова основная традиция, которая не укладывается в рамки европейских представлений о демократии и абсолютизме. Правило России — режим осажденной крепости. Он требовал от народа пожертвовать в пользу государства всеми благами демократии: вольностями, вечевыми традициями, возможностями самостоятельного развития городов-республик.

Генерал-парламентарий трактует эти «уроки» как непреложные истины и предпосылки ментальности. А ее природу он выводит не из литературы, структур сознания и культуры (как предлагает историк А.Я. Гуревич), а из совсем другого вопроса: *почему у нас долго запрягают?* Для этого, по его мнению, надо понять национально-психологическое своеобразие — менталитет российских народов. Особенности исторического развития формируют менталитет, а менталитет выступает фактором исторического поведения и действия людей. Условия такого менталитета следующие: длительное существование России в режиме осажденной крепости; жесткая централизация; частое физическое и моральное перенапряжение; огромные лишения; безграничная вера в царей, «выдающихся руководителей» и героев. Все это, по авторитетному мнению генерала, сформировало у народа России качества высокой государственной дисциплины, жертвенности, выносливости и великого терпения [Николаев 1998б: 3-5].

Книжка А.И. Николаева вышла более 15 лет назад. В момент, когда я пишу эти строки, в русском Интернете висит более 1330000 сайтов, авторы которых понимают менталитет в соответствии с приказом генерала, хотя вполне возможно, что он его не отдавал... Иначе говоря, все мои соотечественники обязаны жить в режиме осажденной крепости и централизации, до предела напрягаться, быть всегда готовыми к тяготам и лишениям, верить в царей и героев.

Слова известные, как барабанная дробь. Во время службы в Советской армии я изучал устав внутренней службы и пособие для политзанятий. Все эти истины взяты генералом оттуда. Зачем же приплетать менталитет к солдатскому уставу и урокам армейской словесности? И неужели генерал сам все это сочинил? Тут мне помогла моя болезнь Гуттенберга. А.И. Николаев честно ссылается на книгу некого Ф. Нестерова. Я залез в свой архив, вынул ее конспект. И убедился: все перечисленные сентенции о русском менталитете списаны у кандидата филологических наук Ф. Нестерова. Тот еще в 1981 г. получил за свой опус премию ЦК ВЛКСМ. Видимо, поэтому его книга до сих пор висит в Интернете. Это избавляет меня от ее пересказа — любопытные могут проверить<sup>2</sup>. А я просто констатирую: точка зрения кандидата наук и комсомольского лауреата Ф. Нестерова на русскую историю в целом, Октябрьскую революцию, нынешнюю Россию и вытекающую из них ментальность *предвосхитила* позицию газеты «Завтра». Таково неожиданное следствие использования понятия «ментальность» при обсуждении истории и современного состояния России.

<sup>2</sup> См.: <http://www.pretich.narod.ru/Iskusstvo/Literatura/nesterov.html>

Иначе говоря, мнения некоторых генералов-парламентариев и комсомольских лауреатов (к тому же кандидатов наук!) о природе российской ментальности *совпадают*, а необходимым элементом этой ментальности полагается война как норма социального существования. Теперь посмотрим, как эта норма проявляется в современной российской реальности.

Дальнейшее изложение является развитием идей, уже высказанных при анализе первой российско-чеченской войны (1994-1996 гг.) через призму концептов «превращенного сепаратизма» и «колониальной войны» [Макаренко 2003-2004; Макаренко 2012]. Подтверждаются ли эти концепты практикой второй российско-чеченской войны (2000-2002 гг.) и какие теоретические модели можно при этом использовать?

### *Электоральный процесс и война*

В книге «Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье» собран материал о политической манипуляции выборами в Чечне. Весь материал опирается на общую характеристику ситуации: «События последних лет полностью преемственны — их объединяет следование сиюминутной политической конъюнктуре, а не желание урегулировать сложнейшую социально-политическую проблему» [Лукашевский 2004: 10].

Во время выборов в октябре 2003 г. в Чечне 20% населения (сторонники независимости республики) согласно социологическим данным были исключены федеральной властью из проводимого ею «политического урегулирования». Жители республики и служащие федеральных сил боятся кадировской гвардии. На Северном Кавказе всегда действовали различные спецслужбы (от Британской и Османской империй до современной ФСБ), экстремистских и террористических организаций. Но это не объясняет и не определяет события последних лет.

На Северном Кавказе только в Чечне национальное движение провозгласило курс на отделение от России, в иных республиках это было лишь противостоянием местных элит с апелляцией к Москве как к арбитру. Однако «повышение статуса» во всех республиках сопровождалось занятием ответственных постов «национальными кадрами». Исход из Чечни русскоязычного населения начался еще в конце восьмидесятых, при Завгаеве. Здесь вытеснению русскоязычных способствовала и безработица. Криминальное давление было обращено на тех, кто не был защищен тейповыми, родовыми связями, — то есть на нечеченское население.

Экономическая политика режима Дудаева в 1992-1994 гг. не отличалась от большинства регионов России. Тут не было приватизации. Весь бюджет Чечни ушел на печатание собственной валюты, о которой мечтали также многие губернаторы «красного пояса» России. Дудаев в октябре 1993 г. поздравил Ельцина с победой над Верховным Советом, поскольку собственный парламент он ликвидировал несколькими месяцами ранее. Переговоры между Россией и Чечней велись вяло, хотя они могли бы привести к урегулированию отношений, как с Татарстаном.

В Чечне ослаблялись властные структуры, усиливался криминал, узаконивались различные вооруженные формирования. Этому необходимо было противостоять. Но федеральные силовые структуры, напротив, активно использовали сепаратистский анклав в своих интересах, как «оффшорную зону» для подготовки спецопераций. В 1992-1993 гг. в ходе войны с Абхазией российские военные и спецслужбы готовили батальон Шамиля Басаева для действий против Грузии.

На российских парламентских выборах 12 декабря 1993 г. федеральная власть проиграла коммунистам и Жириновскому. После этого она решила уподобиться «национал-патриотам» — восстановить контроль над мятежной провинцией. Предусматривались «переговоры

на фоне силового давления» и поддержка антидудаевской оппозиции. «Но вскоре контроль над операцией перешел к спецслужбам, которые вооружали антидудаевских „оппозиционеров“, создавая на территории России незаконные вооруженные формирования, и раскручивалась спираль гражданской войны» [там же: 12].

Всего за первую и вторую войны в Чечне погибли около 70 тыс. гражданских лиц и около 12 тыс. российских военнослужащих и сотрудников федеральных силовых структур. Точные цифры неизвестны — мирных жителей никто, кроме правозащитников, не считал; потери военных до сих пор засекречены<sup>3</sup>.

Российское и чеченское общества и государства в 1997-1999 гг. оказались неспособны защитить права граждан, противостоять экстремистам и криминалу и сползанию к новой войне.

Если соотнести число погибших и исчезнувших с населением республики, то за последнее 10 лет Чечня пережила половину второй мировой войны и целый «большой» сталинский террор. Преступления остаются безнаказанными, и это провоцирует новые преступления.

Конца насилию до сих пор не видно. Итогом первой войны — «наведения конституционного порядка» — стал разгул бандитизма и вал похищений людей. Вторая война — так называемая «контртеррористическая операция» — породила волну «шахидского» террора.

26 октября в ходе штурма Театрального центра на Дубровке российским спецназом было убито все 40 террористов, но погибло 130 заложников от использованного спецслужбами усыпляющего газа.

Российское государство использует силу. «Но результаты применения силы ставят под сомнение заявленные властью цели, и произносимые слова. За всеми словесными штампами („контртеррористическая операция“, „точечные удары“, „гуманитарные коридоры“, „политическое урегулирование“) оказывается обратный смысл. Словами о „борьбе с террористами“ прикрывается реальная война с сепаратистами (с избранным в январе 1997 г. президентом Масхадовым). „Восстановление конституционного порядка“ обернулось искусственно созданным правовым вакуумом, где силовые структуры действуют более жестоко и бесконтрольно, чем при Сталине» [Лукашевский 2004: 16].

Россия — воюющая страна. Поэтому события в Чечне влияют на жизнь федерации в целом. Речь идет не только о террористах, способных атаковать «от Москвы до самых до окраин». Через Чечню проходят солдаты и сотрудники всех российских силовых структур из всех регионов. Опыт бесконтрольного и безнаказанного насилия над человеком, над правом и над смыслом и подмены понятий не проходит бесследно. «Россия сегодня не застрахована от возвращения тоталитарного прошлого, обосновавшегося на тысячной части ее территории» [там же].

Как происходит это возвращение?

### *Взгляд журналиста*

В книге Анны Политковской описана чеченская жизнь на войне, современная российская жизнь на фоне войны, и поставлен вопрос: кому нужна эта война? Эпиграфом книги Политковская взяла слова Л.Н. Толстого, написанные 150 лет назад: «В войне русских с горцами справедливость на стороне русских. Но офицеры приезжают на Кавказ показать свою храбрость, получить поскорее чин и тепленькое местечко». Опишу самые показательные эпизоды, проблемы и констатации<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> Другие авторы приводят иные цифры: за обе войны погибло примерно 300 тыс., 120 тыс. — в первой, остальные во второй российско-чеченской войне [Политковская 2002: 259].

Согласно официальной информации, в спецоперации (т.е. второй чеченской войне) принимали участие: бойцы внутренних войск МВД РФ и ФСБ; сотрудники спецназа ГРУ МО РФ; представители Крчалоевской районной военной комендатуры и временных районных отделов ВД; лично генерал-лейтенант Молтенской, командующий Объединенной группировкой войск и сил; военные священники и прокуроры благословляли кровавое военное безумство и погромы. В сентябре 2001 г. в Чечню был направлен генерал-лейтенант А. Поздняков со специальным заданием президента: собрать факты о воинских преступлениях, сделать выводы и доложить главе государства. После выполнения задачи и направления с докладом к президенту его вертолет был сбит над Грозным, вместе с еще одним генералом и шестью полковниками Генштаба, со всеми материалами о военных преступлениях в зоне антитеррористической операции.

В каждой части есть офицер — посредник-финансист между военными и населением. Он занимается работоторговлей арестованными. Каждый участник финансовой цепочки рассчитывает на свою долю. Офицер обычно сообщает женщинам, какой выкуп надо принести в комендатуру, чтобы их мужчин к вечеру выпустили. «Зачистки» для ловли боевиков завершаются примитивным торгом: товар-деньги-товар».

Российские солдаты стреляют в мирных жителей пулями с эксцентриком, которые запрещены к применению всеми конвенциями как бесчеловечные.

К началу третьего года войны оказалось, что бандитские группы, прочесывающие руины по ночам, — это «клуб по криминальным интересам»: уголовники из чеченских рядов, перемешанные с российскими военнослужащими, находящимися «при исполнении». Им на все наплевать — идеологическое, национальное размежевание, принадлежность к противоборствующим воюющим сторонам. «Истинный интернациональный криминал, и хоть без признаков ныне модного международного терроризма, но сильнее штабов, стратегий и тактик, которые неспособны остановить кровавый поток» [Политковская 2002: 82].

Военные стали хозяевами местной жизни. Они установили дикие порядки: носитель информации о реальном состоянии гражданского населения приравнен к вражескому лазутчику, с которым надо поступать по законам военного времени. Чечня наводнена добровольными помощниками «органов» из числа чеченцев. Поэтому практически невозможно отвертеться от военных. «Военные привыкли в Чечне не только убивать, грабить, насиловать и сколачивать чеченцев в криминальные группы под собственным руководством с целью совместной наживы, — они разделили страну на две части: тех, кто с ними, и тех, кто против них» [там же: 84].

Российская православная церковь оправдывает эту войну. Здесь она руководствуется взглядами царских генералов, книги которых в 2000 годы некоторые издатели квалифицируют как «бестселлеры». Например, один из них брал на себя смелость утверждать, что в ислаимизме отсутствует нравственный идеал: «Исламизм берет человеческую природу, как она есть со всем ее светом и со всею ее грязью, благословляет в ней все одинаково, дает законный исход хорошему и дурному, обещая продолжение такого состояния в самой вечности. Обязанности, налагаемые этой религией, состоят в легкой обрядности и ненависти к неверным. Мусульманин выносит из своей веры достаточное удовлетворение умственное и невозмутимое довольство самим собою... Могущество первого взрыва мусульманства происходит именно от освящения дурных сторон человеческой природы — разнузданности страстей, зверства, фанатизма, апатии... Когда нравственный пожар кончится, от мусульманства останется только пепел, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатия пьяницы с похмелья» [Фадеев 2005: 39]. По мнению этого завоевателя Кавказа, в целом азиатам чужды поня-

<sup>4</sup> В качестве дополнения можно использовать: Анпилогов 2002: 204-270, а также более двух миллионов правительственных сайтов, которые в настоящее время висят в Рунете.

тия об отечестве, об общественном интересе, о первых обязанностях гражданина, равнодушные к своей земле, лишь бы не было возмущено их личное спокойствие, презрение к своим правительствам, не помышляя даже об их улучшении, безразличие к отечественным событиям. «Решение спора христианства с исламом, покинутое Европой с 14-го века, — вынес вердикт генерал, — с того же времени как бы свыше предоставлено одной России и сделано, сознательно или бессознательно, ее народным делом» [там же: 40].

И вот сегодня по адресу чеченцев российский солдат кричит: «Мы вас доведем до того, что вы сами в Сибирь будете проситься». В мечети российские солдаты стащили в кучу ковры, утварь, книги и Коран и наложили сверху свои «кучи». Во время цоцан-юртовской зачистки федералы уничтожили в домах все зерно, которое сотрудники совхоза получили как зарплату за летние труды, забрали все пенсии у стариков и пособия у инвалидов, все оборудование мебельной мастерской, начавшей работать в селе. Идеологический подход военной власти состоял в разгроме пищевой промышленности. Готовую промышленность разгромленного сахарного завода военные позже продавали в соседних селах по 180 руб. за мешок, при рыночной цене на сахар в Чечне раза в три выше. Те, кто видел, не могли дозваться прокуроров для ареста «продавцов» с поличным.

Военные грабят и продают трупы чеченцев. Сотрудник ФСБ С. Кошелев потребовал за труп односельчанина у старика Дагаева барана, видеокамеру и «Жигули». По после этого труп не отдал. Все, кто привез выкуп в Ханкалу, бесследно исчезли. Беременную женщину поставили в позу пойманного боевика (руки вверх, ноги в стороны), и ребенок родился мертвым. Военные в молитвенном домике на кладбище унесли с собой специальную деревянную ванну для омывания покойников, сожгли погребальные носилки, своровали лопаты для рытья могил и Кораны.

Одновременно военные требуют у мирных жителей расписки, что у них нет претензий к военным. Господствует коммерческий принцип. Военные требуют денег за мужчин. Кто дал, фильтрации не подлежит. Ставки на живой товар колеблются от 500 руб. до 3-4 тыс. Берут также за ненасилие молодых девушек. Взамен сексуального удовлетворения берут 300-500 руб., серьги, цепочки.

«Военные в Чечне очень не любят прокуроров: преследуют, запугивают и никуда не пускают. В Старых Агатах прокуроры были и потом очень гордились, что сумели возбудить несколько уголовных дел... Вот документ, достойный Салтыкова-Щедрина: „...факты были предметом прокурорской проверки непосредственно в период проведения спецоперации“. Это значит, сотрудники прокуратуры находились непосредственно на месте совершения циничных и жестоких воинских преступлений. В момент их совершения. Наблюдали за ходом преступлений. Ни во что не вмешивались. И назвали все это «прокурорской проверкой в период проведения спецоперации» [Политковская 2002: 107-108].

«В Чечне творится война, замешенная на лжи, — констатирует Политковская, — где все, кому положено, не договаривают всего, что обязаны, и в результате военной анархии на Северном Кавказе нет ни конца, ни края» [там же: 108]. Она называет войну «Чеченский 37-й»: «Несведущему это покажется наветом, но от того, что Путин по телевизору чеканит слова о наведении порядка — порядка в Чечне все меньше, а смертей все больше. Прокуратуры придавлены военными и работают редко. Милиция — сама же участница „процесса“. Наконец, есть в стране специальная Комиссия по розыску пропавших без вести при администрации президента. Но Комиссия работает только опосредованно, из Москвы — что просто смешно в розыскных делах по Чечне. Сохранив Комиссию для красивой отчетности перед Западом, ее придушили деньгами, чтобы не рыпалась. В 2001-м воюющем году финансирование розыскных командировок было полностью прекращено, а деньги, ранее выделенные на эти цели, забрало себе Министерство обороны (одно из ведомств, бойцы которого и похища-

ют тех, за „поиск“ которых им потом платят из госбюджета). В 2002-м, на фоне кричащих фактов и острой необходимости работать, финансовая трагедия Комиссии повторилась» [там же: 114].

Живущие в России родственники не желают забирать и вывозить своих дедушек и бабушек подальше от войны. Семейная драма — исток русской национальной трагедии: «Здоровым русским больные русские не нужны... Это и есть фашизм в чистом виде — знаменитая гитлеровская идея уничтожения и выкидывания на обочину жизни немощных и убогих как балласта на пути к светлому будущему. Государственный фашизм, успешно пророщенный в семейные отношения» [там же: 117].

Чеченцы часто задавали А. Политковской вопрос: почему вы так плохо относитесь к своим? Как нам поверить, что новая власть пришла нам помочь, если даже русский старик и отставной офицер, при вновь установленной «русской власти», живет еще хуже, чем при Дудаеве и Масхадове? Сами местные русские говорят: «Непонятная война — за что, за кого и против кого. За кого угодно, только не за нас».

В Чечне находился почти 100-тысячный боевой контингент, противостоящий 600-тысячному населению Чечни и 2000 боевиков (официально объявленные цифры). Федералы первым делом забирают физически крепких, хорошо сложенных парней. К знающим турецкий язык и ученикам Стамбульского колледжа относятся репрессивно, поощряют донощиков.

Правила игры для местных жителей неизвестны: «Россия делает нас быдлом. Россия гонит нашу молодежь в объятия тем, кто первым придет и скажет: „Будь с нами“. Я думаю теперь так: пусть бы „бородатые“ ваххабиты палками били нас за водку. Палка — все равно лучше, чем разрывная пуля. После палки выживают. Больше всего мы теперь хотим знать правила игры. Мы хотим понимать, что из нас вам не нравится? И по каким признакам? За что нас полагаются пытаться? За что приказано убивать? Похищать? Сейчас же — ничего не понятно, и уничтожают всех подряд: и того, кто был с ваххабитами, и того, кто был против них. А больше других — „серединок“, кто был ни с кем“... Ответить нечего. Потому что страна времен Путина — это годы молчания о главном» [там же: 127].

Историю с полковником Ю. Будановым Политковская называет «смерть эпохи военного бандитизма», а его самого «русским Келли». С точки зрения большинства он борец-страдалец, гонимый за «патриотическую веру». С точки зрения меньшинства — убийца, мародер, похититель людей, насильник и лживая свинья. Процесс над ним стал яркой демонстрацией самых дурных сторон современной российской жизни — расколотого по отношению к войне общества, фантастического цинизма и лживости высшего путинского чиновничества, полной зависимости судебной системы от Кремля и явного несоветского ренессанса<sup>5</sup>.

<sup>5</sup> 26 марта 2000 г. (день выборов Путина президентом) было также днем рождения дочери полковника Буданова. Он пригласил офицеров отметить это дело. После пьянки всех потянуло на «подвиги». Сначала решили пострелять по селу Танги-Чу из тяжелых орудий. Но дежурный по полку ст. лейт. Р. Бургеев отказался выполнить преступный приказ. За что был жестоко избит Ю. Будановым и его начальником штаба подполковником И. Федоровым. После избияния Р. Бургеева со связанными руками и ногами посадили в яму, сверху посыпали известкой, а Федоров помочился на него и укусил за правую бровь. Затем Буданов поехал в Танги-Чу за бабой. Солдаты схватили 18-летнюю Э. Кунгаеву, завернули ее на глазах четырех младших братьев и сестер в одеяло и повезли в помещение полковника. Там он ее избил до смерти, после чего приказал вывезти тело в лесопосадку и тайно захоронить. Трое солдат (ординарцы и денщики) выполнили приказ, а летом 2000 г. военная прокуратура их амнистировала как соучастников убийства и похищения в обмен на дачу нужных показаний за Буданова о том, что не было изнасилования. Солдат А. Егоров сообщил следователю, что он изнасиловал чеченку «черенком саперной лопатки» перед тем, как зарыть тело. За что и был амнистирован. Но после демобилизации в июле 2002 г. он публично признался, что показания дал под давлением и девушку саперной лопаткой не насиловал. Русские офицеры от высших до низших в общей массе поддержали Буданова с оговоркой следующего характера: «Что убили, понимаем... Чеченка, значит, боевичка. Но зачем было „мараться“ — насиловать?» [Полит-



«Эта будановская пока не-свобода — принципиальное событие нашего времени. Во-первых, для самой армии, превратившейся в Чечне в политическую репрессивную структуру... Во-вторых, для людей Чечни. Если победит полковник, а не правосудие, значит, нет надежд на то, что Чечня будет территорией, где действуют российские законы, она останется под пятой бандитов, и людям, там живущим, теперь нет разницы, какую форму и чью зарплату получают эти бандиты. Главное, что они убивают» [там же: 136].

С самого начала войны Ингушетия поставила себя особняком в отношении политики федерального центра и методов так называемой «антитеррористической операции»:

1. Открыла (по указу президента Р. Аушева) все свои границы для потока беженцев и очень быстро на ее земле оказалось почти 200 тыс., при том что население самой Ингушетии чуть более 300 тыс.

2. Ингушетия была единственной из всех близлежащих республик, которая оспаривала политику Москвы. Самый показательный пример прокремлевского поведения — Кабардино-Балкария. По приказу ее президента В. Кокова, полностью подконтрольного Москве, в сентябре 1999 г. на границах КБР выставили заградительные кордоны.

3. Ингушетия заботилась о беженцах почти три года, несмотря на беспрецедентные нападки подконтрольных Кремлю СМИ, давление и шантаж из Москвы на президента Аушева<sup>6</sup>. В конце концов он был отставлен, а на его место был поставлен генерал ФСБ М.Зязиков — ставленник Кремля и лично Путина, «...и в целом отечественных спецслужб, к этому времени окончательно, по прочному советскому образцу, окрепших по всех властных щелях нашей страны» [там же: 139-140]. После этого Москва стала насильно переселять беженцев обратно в Чечню, на пепелища и под пресс зачисток, похищений и бессудных казней.

В этой войне ненависть с обеих сторон бешеная. Военные люто ненавидят чеченцев и при первой возможности делают, что хотят. Чеченцы в ответ также ненавидят федеральные войска<sup>7</sup>. «Люди в погонах, — пишет Политковская, — абсолютно безнаказанно заняты не просто разжиганием межнациональной розни, что автоматически влечет за собой уголовную ответственность, — они инициируют моноэтничность в стране, а значит, дальнейший ее распад по национальным квартирам. Сепаратизм. Да. Тот самый, с которым якобы борется президент Путин, на службе у которого рубоповцы состоят» [там же: 151]. Если русские гражда-

---

ковская 2002: 131]. Насильником и некрофилом оказался элитный офицер российской армии, увенчанный самыми престижными наградами страны — два ордена Мужества. В отмывании Буданова от уголовной ответственности принимала участие профессор-психиатр Т.П. Печерникова, чья подпись стоит под «шизофреническими приговорами» самых знаменитых диссидентов 60-80-х гг. Стало очевидно, что репрессивная советская КГБ-психиатрия сохранена и отлично пристроена на «демократическую» службу». Но после запросов из Германии и Франции суд в Ростове-на-Дону 3 июля 2002 г. отменил чтение приговора, усомнился в правдивости экспертизы Печерниковой, назначили следующую и оставил Буданова под стражей.

<sup>6</sup> Р. Аушев в интервью сказал: «Если в течение месяца антитеррористическая операция не удалась, оказались невыполнены поставленные задачи — то все! Ну не бывает антитеррористических операций на протяжении семи месяцев» [там же: 145].

<sup>7</sup> В главе «Погром по национальному признаку» А. Политковская рассказала, как в Москве 28 марта 2001 г. в комнату студентов национальной чеченской студии «Нахи», созданной при Московском госуниверситете культуры и искусства для подготовки ядра будущей труппы грозненского театра, ворвался отряд СОБР. Они заставляли членов труппы ползать раздетыми из комнаты в комнату, ходили по кроватям в ботинках, называли чеченцев обезьянами, черными тварями, быдлом, чабанами, моджахедами, плевали в лицо, были по головам книгой «Судьба чечено-ингушского народа», драли волосы, травили собаками. Студенту-выпускнику Московской государственной юридической академии, который готовился к экзамену, сказали: «Ах, ты еще и гражданское право изучаешь, обезьяна! Твое место — в горах. Отправляйся туда!». Отца его, 55-летнего доцента стали избивать до потери сознания прикладами, ногами, плевали в лицо, ходили по спине, рвали одежду, выкручивали пальцы. Увидели пропутинскую газету «Державные ведомости» и закричали: «Что?! Антироссийскую пропаганду тут ведете!». Таков личный состав СОБРа — совершенно неграмотные люди, ничего не знают, не понимают и не читают.

не имеют в паспортах строчку о регистрации в воюющей республике, это не дает возможности иметь легальную работу, медицинскую страховку и место для детей в школе.

14 июня 2001 г. в ингушской станице Орджоникидзевской сход принял обращение к мировому сообществу, президенту США Бушу, главам «семерки» с просьбой повлиять на Путина, в котором просил провести экспертизу и анализ ситуации в Чеченской Республике на основе международного права, с определением прав граждан ЧР на самооборону в случае бесправных действий военнослужащих и при отсутствии правовой защиты со стороны российского руководства. Однако обращение вызвало дурную реакцию в российском обществе. Чеченцев обвинили в антироссийских настроениях, сепаратизме, желании оболгать Путина перед мировым сообществом.

А. Политковская показывает, что война перестала быть персонифицированной, превратившись в несколько говорящих генеральских голов на телеэкране». И приводит примеры того, как детей «замочили в сортире», заставляли девушку ползать на четвереньках по ступеньках вверх-вниз, держа в руках ведро с дерьмом. Даже трупы детей не возвращают матерям. Офицеры подражаются за деньги найти трупы и даже ставят подписи. Но они анонимы. У офицеров в Чечне как у нелегалов-разведчиков по два-четыре комплекта документов на разные фамилии. Право скрывать свое истинное имя, представленное военнослужащим, чтобы боевики не отомстили семьям, постепенно стало одной из главных причин безобразий и преступлений военнослужащих в Чечне. Русский солдат умолял мать приехать и забрать его из Владикавказа. Он долго сидел на горе, не мылся несколько месяцев, и все время был в сапогах. Привезли его прямо в госпиталь. Где он лежал с гниющими по колено ногами. Мать начала умолять офицеров отдать ей сына, долечить его в деревне как-нибудь: «А те: давай разделим его „боевые“ деньги, за участие в „антитеррористической операции“ — 50 на 50, и получай сына». Офицеры бьют солдат и заставляют их пить дерьмо. Чечня как образ мыслей, чувств и действий гангренозной тканью расплзлась повсюду и превратилась в общенациональную трагедию с поражением всех слоев общества [там же: 154, 155, 158, 159, 183].

«Из государственного пользования все более вымывается милосердие в качестве системы внутригосударственных отношений, — констатирует Политковская. — Власть старается исходить из жестокости по отношению к своим гражданам. В чести — поощрение уничтожения» [там же: 187].

Причем, чеченские святые отцы не обращают внимание на трагедию народа. К ним не ходят. Правда, в селении Исти-Шу к мулле ходят за советом и просто поговорить. Но этот популярный чеченский мулла немец — бывший немецкий военнопленный, который женился на чеченке, принял ислам и вырастил детей. Теперь они уехали в Германию, а он остался там. К муллам чеченского происхождения не идут люди.

Это объясняется следующим. Вирды более влиятельны в Чечне, чем муллы и официальный муфтият. Советская власть фактически сама отравила молодой чеченский ислам, и без нее к тому тяготевший, в подполье. После возвращения народа из депортации (1944-1957 гг.) им, в отличие от других северокавказских народов, вообще запретили возводить мечети. Это привело к тому, что в Чечне, во-первых, почти не было подконтрольного КГБ духовенства, и это лишь плюс, а во-вторых, укрепились свободные мусульманские религиозные общины. Так в каждом селе если и был, то исключительно свой собственный мулла, самодвиженец, подчинявшийся селу и выдвигаемый селом. А если такового не находилось, то и ладно — старейшины почитались куда больше, существовало братство в вирде. Поэтому позднейшее появление муфтията было воспринято чеченцами равнодушно («все равно будем жить, как жили»), или раздраженно («руки КГБ») [там же: 170-173].

А. Политковская ввела термин «кадыровщина». Это — мулла с безупречным финансовым прошлым, организатор первого хаджа чеченцев в Мекку, присвоивший тогда собран-

ные с людей деньги. Он является полковником Российской армии (присвоил Путин), участвует в нелегальном нефтяном бизнесе, люди его называют «предателем», а с его приходом еще больше пало уважение к муфтияту. «Бородачи» очень непопулярны, как и федералы, ибо те и другие делают ставку на силу.

Журналисты систематически подвергаются прессингу. «В стране продолжает утверждаться такая „демократия“, когда абсолютно никому не нужна независимая журналистика» [там же: 180].

Чечня представляет собой настоящую кормушку и дойную корову. Здесь куются быстрые военные карьеры, выписываются длинные наградные листы, раздаются внеочередные звания и чины. «Главное — вовремя убить чеченца и предъявить труп в нужном месте и в нужное время» [там же: 187].

Русские люди совершенно не верят, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан.

На основе детального описания ситуации А. Политковская заключает, что война нужна нескольким группам людей. Прежде всего генералам-олигархам (типа военных строителей). Генералитету отечественной военно-строительной верхушки чрезвычайно выгодно как сами продолжающиеся военные действия в Чечне, так и бесконечные «подрывы» силами боевиков тех объектов, которые они там только что возвели. Весь топливно-энергетический комплекс, в который входят девять отраслей, перешел в нелегалы. Обычно колонны с ворованным госимуществом движутся под охраной федералов-контрактников, которым все равно, чем промышлять. Эти тандемы полностью структурировались: федералы плюс чеченцы-воры и образовали устойчивые оргпреступные группировки. Власть не в состоянии изменить ситуацию<sup>8</sup>.

Следующая группа — многочисленная армия нового чеченского чиновничества в районных и городских администрациях, получающая должности по принципу кумовства, откровенно не желающая работать, но весьма заинтересованная, чтобы военная неразбериха продолжалась как можно дольше. Суть их жизни — приписки, подлоги, обман, вопросы без ответов, спекуляция на всем<sup>9</sup>. Большинство нового чеченского чиновничества сложилось вокруг военных властей и мечтает как можно дольше сохранить положение «ни мира — ни войны»... Образовалась гремучая смесь: Чечня военная — там, где правит кулак, зиндан и автомат, — наслочилась на Чечню якобы мирную — где предпочитают обман, кумовство и бесконтрольность» [там же: 217-218].

Среди полевых командиров произошел раскол. «Утки» СМИ о «слетах» полевых командиров с целью выработки единой стратегии и тактики — дезинформация, которая распространяется федеральными спецслужбами, когда надо в очередной раз оправдать собственное существование, а также самими полевыми командирами, которые крайне заинтересованы в

<sup>8</sup> Статистика такова: в октябре-ноябре 1999 г. в Чечне горело всего три скважины, то потом, когда фронт ушел в горы и пришло время делить собственность, их стало 11, затем 18, а летом 2000 г. дошло до 34. Потом несколько снизилось и установилось на стабильной отметке 22-25, что свидетельствует об устойчивости притершегося нелегального рынка. О нефтяной спецзаинтересованности людей в погонах говорит тот факт, что в селах рядом со скважинами никогда не было боев. Тут нет разрушений. Эти населенные пункты хранят в неприкосновенности обе воюющие стороны. «Федералы» приходят сюда с «зачистками», когда начинаются массовые народные возмущения в связи с варварством криминальных нефтяных группировок. Все нефтяные деньги — в чулках или вне Чечни. Попытки наладить законную финансовую систему упираются в откровенный саботаж высшего федерального чиновничества [там же: 209-212].

<sup>9</sup> Показательный пример — деятельность директора Курчалоевского дома-приюта для детей-сирот. Он присвоил 15 кроватей, 26 столов, 40 тумбочек, 48 мягких стульев, 40 покрывал, 40 ватных одеял, 40 ватных матрацев, 40 подушек, 100 комплектов постельного белья, 150 полотенец [там же: 216]. Даже выплата детских пособий (58 руб. с копейками) происходит методом «50 на 50». Он относится ко всем взаимодействиям населения с чиновничеством.

поднятии рейтинга и имиджа. В итоге интересы спецслужб затейливо сливаются с интересами «противника» [там же: 221].

Раскол среди полевых командиров связан с представлениями о будущем Чечни и проблемой добычи денег. По этому критерию в Чечне тоже образовалось несколько групп:

«Западники» смотрят прежде всего на Европу, стремятся добиться применения к Чечне европейских правил общежития, ориентированных на права человека в их традиционном западном понимании, апеллируют к Совету Европы и международным правозащитным организациям. Отсюда вытекает их стратегическая цель — Международный трибунал для тех, кто совершил в ходе войны преступления, сбор материалов для будущих судебных разбирательств, аналогичных тем, под каток которых попал Милошевич.

«Востоковеды» или «арабы» связывают свои планы с Арабским Востоком: исламизация Чечни по арабскому образцу с неизбежным отходом от старых чеченских обычаев, что принесет в республику немалые деньги.

Третья сила нынешнего чеченского военно-политического альянса — большое число мелких отрядов и групп, вставших под знамена уже в ходе войны ради исполнения личного плана мщения за убитых и исчезнувших родственников. Они не хотят никакой координации между собой и никакого руководства. Но если западники и восточники вооружаются из-за рубежа, то третья сила кормится прежде всего от военнослужащих внутри самой Чечни, оказывая им различные услуги и участвуя в их коммерческих проектах. Сегодня в Чечне образовался «клуб по интересам» (аналогичный нынешнему афганскому): это крепкий и вязкий конгломерат вооруженных до зубов людей, состоящий из боевиков (разряда «народных мстителей») и федералов, заинтересованных друг в друге и поддерживающих друг друга материально, несмотря на то, что вроде бы числятся они по разные стороны невидимой линии фронта. Все это можно назвать и по-другому: тайным спонсированием внутречеченской гражданской войны в связи с антитеррористической необходимостью. «В любой спецслужбе мира вам выдадут как аксиому, что куда лучше уничтожить врага чужими руками, чем своими» [там же: 225].

Анна Политковская показывает на конкретных примерах, что российские спецслужбы в Чечне демонстрируют «любовь» с «арабами». Категорически отвергая возможность переговоров с Масхадовым, они оказывают поддержку тандему Басаев-Хаттаб.

В целом в Кремле «...продолжает сохраняться ориентация на управляемо тлеющий конфликт на Северном Кавказе как главный политический резерв верховной власти» [там же: 226].

Политковская показывает, что время Путина — это реставрация времен Брежнева. В мае 2001 г. международная правозащитная организация (Human Rights Watch) обнародовала доклад лишь об одном из сотен массовых захоронений гражданского населения в Чечне. В докладе приводятся многие свидетельства о неадекватном поведении прокуратуры, российского правительства и президентских структур. Российская власть не желала никаких выяснений дела о массовом захоронении, полностью отрицая, что это дело рук военнослужащих. Сразу поднялась волна кремлевских опровержений. Несомненно, что была заключена бизнес-сделка на человеческих костях между Кремлем и первым лицом ООН К. Аннано. Генсек ООН будет молчаливо «благословлять» войну на Северном Кавказе до тех пор, пока Россия поможет ему сохранять кресло (переизбрание на второй срок). США, Евросоюз, Европарламент и ОБСЕ фактически сделали все, чтобы затушевать эту историю. Фактически в Чечне противоборствуют не боевики и федералы, а федералы и гражданское население: «Но в данном случае гражданское население, принимающее на себя ежедневный удар нарушений прав человека, не может быть признано в соответствии с документами ООН одной из таких „противоборствующих сторон“. Ну а о „согласии“ российского правительства не приходится гово-

ритель» [там же: 231]. Мир, Запад, сообщество отступились и позволяют нашей власти творить в Чечне все, что ей хочется, одновременно выдав индульгенцию на официальную ложь и демагогию.

Судопроизводство стало органом политического регулирования; Южный федеральный округ протаскивает кандидатуры, угодные Кремлю; спецслужбы принимают участие в фальсифицированных выборах; главный федеральный инспектор Южного федерального округа Келигов стал просто наемной бандой по утрашению всех несогласных [там же: 234-243].

«Военные диктуют России стиль поведения сегодня. Они хотят сохранить свои лидирующие позиции в стране путем создания новых локальных войн и конфликтов. Для такого государства, как Россия, которое еще не отказалось от имперских амбиций и еще не сформировалось как правовое государство, необходим враг. Для внешнего врага сил не хватает, а внутреннего всегда можно назначить» [там же: 256]. Персонификация политических проблем носит исключительно политический характер (типа был Дудаев — говорили, что не станет Дудаева и все будет закончено). Политическая проблема между Россией и Чечней не может быть представлена персонифицировано. Российские войска в Чечне находятся в ситуации карателей. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции. Российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии [там же: 258-264].

На основе обзора ситуации Анна Политковская формулирует общий вывод: кавказская кампания России рубежа XX-XXI вв. вновь превратилась в хроническую и выгодную следующим военно-политическим группам России: военной верхушке, делающей карьеры на Кавказе; среднему и низовому военному звену, имеющему стойкий доход на войне за счет разрешения сверху повального мародерства, массовых поборов с населения и участия в нелегальном нефтяном бизнесе; новой чеченской власти — ставленникам России, наживающейся на средствах, выделяемых госбюджетом на восстановление и развитие экономики Чечни; высшему уровню политической иерархии во главе с Президентом: «Начавшись как стопроцентно пиаровская акция под выборы нового президента России, война впоследствии стала удобным средством лакировки реальной действительности вне территории войны — или увода общественного мнения от неблагоприятного положения внутри руководящей элиты, в экономике, политических процессах. На российских штандартах сегодня — спасительная идея о необходимости защиты России от „международного терроризма“ в лице чеченских террористов, постоянное подогревание которой позволяет Кремлю манипулировать общественным мнением как заблагорассудится. Что интересно: „вылазки чеченских сепаратистов“ теперь возникают на северном Кавказе всякий раз „к месту“ — когда в Москве начинается очередной политический или коррупционный скандал» [там же: 276-277].

### *Промежуточное резюме*

Каждый читатель может сделать свои выводы из собранного здесь материала. Я же для дальнейшего обоснования применимости кредо Гамлета к России суммирую главные идеи книги А. Политковской.

Россия не застрахована от возвращения тоталитарного прошлого. Армия превратилась в политическую репрессивную структуру. На территории Чечни пустил мощные ростки государственный фашизм, пророщенный в семейные отношения (когда здоровые русские люди совершенно не заботятся о своих родных больных и стариках). В России утвердилась такая «демократия», когда никому не нужна независимая журналистика. Интересы российских спецслужб слились с интересами мнимого противника. Одновременно российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии. Российские войска в Чечне находят-

ся в ситуации карателей. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции.

В целом власть не состояниии изменить ситуацию в стране. Русские люди совершенно не верят, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан.

*(Окончание в следующем номере)*

---

Анпилогов И. 2002. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней. — *Континент*. — № 114.

Вайль П. 2012. *Свобода — точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе*. — М.: Астрель: CORPUS.

Горелик Г.Е., Шальникова Н.А. (сост.). 2009. *Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев*. — М.: Вагриус.

Гуревич А. 2004. *История историка*. — М.: РОССПЭН.

Колесников А. 2007. *Спичрайтеры*. — М.

Лукашевский С.М. (отв. ред.). 2004. *Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье*. — М.: МХГ.

Макаренко В.П. 2003-2004. Распад империй: война в системе «центр-периферия» (статья 1-2). — *Sofia. Международный журнал философов славянских стран*. — 2003. — № 3, 2004. — № 4.

Макаренко В.П. 2012. Распад империй и проблема колониализма (статья 1-2). — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1-2.

Николаев А.И. 1998а. *На переломе. Записки русского генерала*. — М.: Современный писатель.

Николаев А. 1998б. Понять умом и сердцем. — *Слово*. — № 1.

Островский А.В. 2008. *1993. Расстрел «Белого дома»*. — М.: Яуза, Эксмо.

Политковская А. 2002. *Вторая чеченская*. — М.: Захаров.

Согрин В.В. 2005. 1985-2005: три превращения современной России. — *Отечественная история*. — № 3.

Фадеев Р. 2005. *Кавказская война*. — М.: Алгоритм.

Юнгер Э. 2007. *Годы оккупации (апрель 1945-декабрь 1948)*. — СПб.: Владимир Даль.